

Город как фабрика страха и риска: детский взгляд на городское пространство

Н.К. РАДИНА*,
НИУ ВШЭ, Нижний Новгород, Россия, rasv@yandex.ru

Представляемое исследование является продолжением изучения восприятия городских пространств, которые маркируются горожанами как страшные или опасные, на детской выборке. Исследование опирается на теорию фреймов И. Гофмана, используется понятие гетеротопии М. Фуко. Проводится сравнение результатов идентификации страшных мест в городе детьми и взрослыми для определения основных тенденций детского восприятия опасных и страшных городских пространств. Ключевым методом данного качественного исследования является фокусированное неструктурированное интервью (85 интервью о страшных местах города у горожан от 7 до 11 лет, а именно у 41 мальчика и 44 девочек, преимущественно младших школьников). Представленное исследование доказывает, что младшие школьники и младшие подростки в сравнении со взрослыми горожанами обладают базовой социальной компетентностью при идентификации опасных и страшных мест города, однако их интерпретативная матрица для определения «страшных мест» построена иррационально и нерелексивно. Наиболее существенные отличия между взрослыми горожанами и детьми в том, как определяется Другой в городе, оцениваемый как опасный или страшный Другой.

Ключевые слова: город, страх, риск, гетеротопии, младшие школьники.

Городские исследования в современной российской социальной психологии в контексте психологии окружающего пространства или средовой психологии — относительно новая область исследований [1; 2; 3; 4 и др.], сложившаяся

в конце XX века и прирастающая сегодня новым знанием. Т.В. Дробышева и А.Л. Журавлев называют два основных направления, в русле которых в настоящее время особенно активно развиваются социально-психологические город-

Для цитаты:

Радина Н.К. Город как фабрика страха и риска: детский взгляд на городское пространство. 2017// Социальная психология и общество. Т. 8. № 2. С. 131–145. doi:10.17759/sps.2017080209

* Радина Надежда Константиновна — доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор департамента социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия, rasv@yandex.ru

ские исследования: изучение восприятия города (различные виды репрезентаций города – ментальные карты, образы, представления в групповом сознании жителей) и изучение городской идентичности [8].

В качестве наиболее перспективных направлений исследований Т.В. Дробышева и А.Л. Журавлев определяют междисциплинарные исследования, в которых предметно-пространственная, социальная, природная среда города выступает условием становления субъектных качеств личности и группы, проявляющихся в активности субъекта, взаимодействующего с городом, а также как особая коммуникативная среда, порождающая специфические социальные феномены («знакомые чужие», «очередь», «соседство» и т.п.).

Попытки определить специфичность городской среды, «формирующей» городских субъектов и уникальные условия городской коммуникации [10], сопряжены с поиском релевантных теоретических рамок для изучения городского пространства, будь то примеривание «экологической оптики» Гибсона или идеи целостного чувственного отражения Б.Г. Ананьева в качестве интерпретативных схем для анализа эмпирики городских исследований [25], или выбор между экоповеденческой теорией Р. Баркера, концепцией «деятельности и места» Д. Кантера, теории «приватности» И. Альтман и т.д. [2]. Городская среда в аспекте детского развития рассматривается также в русле культурно-исторической теории [11; 21].

Что касается теоретических рамок междисциплинарных исследований, по-прежнему большой популярностью пользуются идея реконструкции ментальных или когнитивных карт городского про-

странства (по К. Линчу или Д. Милграму) [3; 12; 14 и др.], семиотика городского пространства как культурного и социального текста [7 и др.], изучение мобильности в городе и поведения горожан в особых транзитных местах [4 и др.].

Однако новые темы городских исследований, связанные, как правило, с городской мобильностью, а также отчасти с семиотикой города и даже более традиционными ментальными/когнитивными картами, крайне нуждаются в создании релевантных методов исследования, а также в интеграции нового знания о «городской психологии» в общую картину психологии в целом.

Городская среда детства: точка зрения психологов

Одна из наиболее известных работ, касающихся детской среды в городе, работа М.В. Осориной «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» [15], выполнена в этнографических традициях и не позиционирует себя в русле городских исследований. Под влиянием этнографических традиций находятся работы, представляющие психологические интерпретации локальных зон городского пространства, предназначенных для детей или используемых детьми (например, анализ конструирования детских площадок) [19 и др.].

Другие психологические работы, ориентированные на традиционные темы городских исследований в контексте психологии развития, опираются на количественные методы – субъективное шкалирование и известные, проверенные временем стандартные опросники, отчасти унифицирующие «городскую проблематику» [13; 16 и др.]. Таким образом,

обнаруживается определенное противоречие: необходимость двигаться вперед и переходить от описательных методов в интерпретации детского пространства города к объяснительным сталкивается с практикой методов, менее чувствительных к изучаемому содержанию.

Недостаточно отрефлексированным (с точки зрения количественных методов) оказывается и представление о городе как о пространстве, которое требует особых социальных компетентностей и становится ареной проверки этих компетентностей у детей. Так, современные исследования о мобильности детей и подростков, которые по мере взросления осваивают новые городские территории, более сосредоточены на изучении собственно мобильности, опираются, как правило, на опросы детей и подростков и как бы откладывают на будущее анализ социальных задач, которые решают взрослеющие дети, осваивающие город [4 и др.].

Тексты и сцены городского пространства: как читать и интерпретировать

Одной из теорий, продуктивной с точки зрения объяснения городской жизни, является теория фреймов Ирвинга Гофмана [5]. Эта теория создает интерпретативную матрицу, которая помогает исследователю анализировать поведение человека в повседневной жизни социального взаимодействия [18]. Согласно теории фреймов, любой человек (и ребенок в том числе), оказываясь в какой-либо ситуации (социального взаимодействия) определяет для себя, что здесь происходит (определение, «прочтение» ситуации, на этом этапе особую роль социальное знание), принимает на себя (более

или менее осознанно) какую-либо роль и поддерживает формат текущей ситуации (а также прерывает или изменяет ее, если обладает соответствующей социальной компетентностью). Представляя герменевтику социального пространства И. Гофман подчеркивает: попробуй неправильно определить ситуацию (ошибиться в идентификации ситуации), и ситуация «определит тебя» [6]. Таким образом, социальная компетентность работает на выживание и успех читателя социального пространства.

В этом контексте город представляет собой сложное и противоречивое социальное пространство (текст) специфических коммуникаций, пространство множества социальных сцен и сценариев, бросающее вызов как взрослым, так и детям. Вызов взрослым горожанам определяется постоянной динамичностью и изменчивостью города, его наполненностью Другими, нарушающими правила и разрушающими сложившийся уклад жизни. Вызов для детей обусловлен сложными социальными задачами, предлагаемыми городом, которые необходимо научиться решать, сложными социальными площадками новых социальных взаимодействий, ролевые и сценарные возможности которых детям пока не знакомы. Дети, осваивая городское пространство, учатся идентифицировать новые площадки (что это за место? что здесь происходит?) и проигрывать роли, релевантные как месту, так и личности юного горожанина. Городское пространство, таким образом, выступает как сцена и декорации для различного рода сценариев городской жизни. И, действительно, если ошибиться, если неправильно определить ситуацию, жестокая городская реальность способна жестко «определить» неграмотного или наивного «читателя города».

Программа исследования

Представляемое исследование является продолжением изучения городского пространства, которые маркируются горожанами как страшные или опасные [17]. Опасность или способность испугать в отношении городских площадок — производная характеристика от основной социальной функции того или иного городского места и обусловлена вторичной оценкой данного пространства горожанами.

Первоначально в качестве ключевой теоретической матрицы была использована теория социальных представлений С. Московичи, которая в настоящем исследовании переопределяется в пользу теории фреймов И. Гофмана. Приоритет за теорией фреймов объясняется ее большей функциональностью и продуктивностью с точки зрения объяснения социального взаимодействия в городе. Определение мест риска и страха в городе, согласно теории фреймов, оказывается точкой отсчета для реализации последующих поведенческих сценариев, с которыми горожане в большей или меньшей степени знакомы (дистанцирование от угрозы или бегство, поиск защиты и т.д.). Таким образом, верная идентификация мест страха и риска оказывается составляющей общей социальной компетентности горожанина. Эта теоретическая матрица особенно продуктивна для анализа восприятия городского пространства юными горожанами. Сравнивая «карты негативных мест» города в изложении взрослых и детей в городе, возможно делать выводы о формировании социальной компетентности детей, осваивающих городское пространство.

Что касается методов исследования, была сохранена ориентация на качественные методы (использовалось фокусированное неструктурированное интервью «Страшные места моего города»), поскольку данная область социальной реальности в настоящее время не имеет достаточного содержательного насыщения, чтобы при формировании гипотез переходить на поиск закономерностей и количественные методы (городским исследованиям в психологии развития по-прежнему крайне необходимы исследования этнографического профиля).

Всего было собрано 85 интервью о страшных местах города у горожан от 7 до 11 лет (1–4 классы), а именно у 41 мальчика и 44 девочек, относящиеся преимущественно к возрастной группе «младшие школьники». Планировалось сравнить идентификацию страшных мест в городе детьми и взрослыми для определения основных тенденций детского восприятия опасных и страшных городских пространств.

Полученные результаты интерпретировались с опорой на ранее идентифицированные аналитические конструкты:

- все истории были разделены на истории о страшных местах (иррациональный страх) и опасных местах (рациональный страх);
- при анализе результаты визуализировались с опорой на систему координат, состоящую из оси «Я-Другие в городе» (ось ординат) и оси «город — негород» (ось абсцисс);
- места страха и риска, обозначенные детьми, сравнивались с аналогичными зонами, выделенными взрослыми, для определения границ социальной компетентности детей в городском пространстве.

Город детей как фабрика страха и риска: сцена и декорации

Первое отличие «городской сцены» у детей от представлений о городе взрослых — она наполнена преимущественно иррациональными страхами. То, что взрослые обосновывают и связывают с риском данного места (например, ссылаясь на городскую преступность), дети, идентифицируя «страшное место», опираются не на объективные факты, а на иррациональный страх.

Темнота. Традиционно и взрослые горожане, и дети как страшные места города описывают темные и неосвященные места, объясняя свои страхи темных мест присутствием там невидимой угрозы.

М., 9 л.: *Везде, где есть темные подвалы, в гаражах, в квартирах ночью один без электричества, если выйду, то убьют.*

М., 8 л.: *Любое место, когда темно, — страшное! Мне страшно ходить из музыкальной школы одному вечером, особенно зимой.*

Безлюдные места. Нежилые места города, где объективно может подстерегать опасность, дети описывают не с точки зрения реальных угроз, а как наполненные таинственными и пугающими существами.

М., 9 л.: *Для меня самое страшное место в городе — это заброшенная стройка у моих окон. Она очень страшная и высокая, а еще наверху нет стен. Ночью смотреть на нее еще страшнее. Я смотрю в окно, а наверху что-то светится. Очень страшно, даже если ты дома. Днем я видел там детей, а кто там ночью?*

Места разрушений и смерти. Места разрушений и смерти взрослые горожане описывают амбивалентно (как рационально, так и иррационально). Дети-горожане в подобных местах в городе

испытывают мистический ужас, который не могут объяснить рационально.

Д., 11 л.: *Кладбище на ул. Пушкина — очень много могил, проходить мимо него даже днём жутко!!!*

М., 7 л.: *Когда мы идем в школу, мы проходим сгоревший дом. У него нет одной двери. Он страшный, и там нарисовано чудовище. Когда на улице темно — оно как настоящее. Еще, когда идем в школу, то проходим мимо домов, они покрыты тканью — такой, как рыболовная сеть. Рядом с дверью там валяются мешки с мусором: это там, где трамваи ездят.*

Подвалы домов. В зону иррационального страха, с точки зрения детей в городе, попадают подвалы домов, где проживают дети. Необходимо отметить, что взрослые в качестве «зоны риска» называют дворы и подъезды, объясняя это угрозой нападения именно в пограничной зоне между городом и квартирой, «безопасным местом» горожанина.

М., 11 л.: *В моем доме есть подвал, там очень страшно. В нем бегают мыши, а еще каждый вечер в подвале зажигается свет. И никто не знает, кто зажигает свет.*

Лесопарки и парки. Взрослые горожане объясняют опасность городских парков весьма рационально (с точки зрения преступности), дети — иррационально.

Д., 8 л.: *Однажды нам с мамой пришлось поздно вечером возвращаться домой через Щелковский хутор (лесопарк — прим. автора). Хотя мама и была рядом, но мне было очень жутко. Деревья казались похожими на каких-то монстров с длинными корявыми руками. Звуки, которые были слышны повсюду, напоминали то крик, то плачь. Очень было страшно! Хотелось поскорее добраться до дома.*

Общественный транспорт. Общественной транспорт в интерпретации взрослых — определенно зона риска (рациональный

страх). Дети определяют общественный транспорт как «страшный», но дают принципиально иные интерпретации.

Д., 8 л.: *Страшная — станция метро «Заречная». Есть несколько свидетелей, которые видели в окнах вагона мужчину в каске, в узком месте туннеля между поездами и стенами, но это невозможно. Часто слышны грохот молотков и странные скрежещущие звуки, когда на платформах ни души. Говорят, что это шалют призраки строителей, которые погибли в метро в 90-е годы.*

Страшно дома. Уникальный детский страх городских детей, который не был выявлен ранее у взрослых, — страх оставаться одному в квартире без родственников. Это всегда иррациональный страх, обусловленный страхом детей, что пространство квартиры открыто для внешнего вторжения (фактически являющийся проекцией тревожности ребенка).

М., 9 л.: (...) *Мне страшно находится одному дома, мне кажется, меня кто-то схватит.*

Д., 9 л.: *Мне страшно (...) одной в квартире, потому что вдруг дьяволы дома.*

Описание иррациональных страхов детей в контексте их сравнения со страхами взрослых показывает, что «зоны городских рисков» взрослых детьми прочитываются с точки зрения иррациональных страхов. Можно сказать, что «рациональность» в определении неблагоприятия городского пространства у детей только начинает по-настоящему оформляться и пока еще тесно сопряжена с иррациональными страхами.

Места отдыха. Места отдыха взрослыми горожанами всегда описываются с точки зрения риска. Дети имеют смешанную картину городских мест отдыха и описывают их как страшные и рационально, и иррационально.

Большие скопления людей описываются как опасные — без конкретизации, в чем источник опасности.

М., 8 л.: (...) *Иногда страшно там, где, наоборот, много людей, машин, когда был салют — было опасно.*

Д., 8 л.: *Около магазинов, около подъездов, на остановках, на неизвестных остановках. В парке, когда много людей, на больших площадках.*

Однако у младших подростков, описывающих страх в городе, в интервью «всплывают» места, относящиеся к местам отдыха в городе, но очевидно интерпретируемые как «места инициаций» при переходе от детства к взрослости, типичные скорее не для современного, а для архаичного общества.

М., 11 л.: *Самое страшное место в Нижнем Новгороде — это лабиринт страха. Страшен он тем, что там темно и очень трудно выйти. Еще на стенах следы кровавых рук, слышны звуки бензопилы. И еще ногами можно почувствовать части скелета. Вот такое страшное место.*

Проезжая часть. Проезжая часть взрослыми горожанами также всегда представлена в контексте риска. Дети, напротив, даже такие рискованные пространства описывают, строя объяснительные схемы из запутанного клубка рационального и иррационального страха.

Д., 8 л.: *Для меня самые страшные места в Нижнем Новгороде — это дороги. Когда идешь по дороге, надо быть очень внимательным, иначе может сбить машина. Еще на дорогах есть люки, в них можно упасть и сломать ногу или руку. А еще там живут огромные крысы, они кусаются. И вообще там темно и страшно.*

Новостройки. Уникальный страх, присутствующий в рассказах детей, — страх новостроек. Отчасти его можно рассматривать как страх нежилых мест, однако

в интервью взрослых данные объекты как опасные или страшные не были обнаружены. Страх новостроек обосновывается на грани рационального и иррационального.

Д., 9 л.: (...) *И, если честно, новостройки — это очень опасно. Например, еще одна новостройка меня пугает: это на улице Июльские дни. Одно здание смогло обрушиться на этом месте.*

Другие в городе. Другие в городе у взрослых горожан оказались сложной категорией, объединяющей разнородную группу, которая была разделена на «своих Других» (преступников, бомжей и т.д.) и «Чужих» (мигрантов, приезжих). «Своих Других» взрослые опасались рационально, «Чужих» — иррационально.

У детей страх перед Другими — иррациональный, и состав данной группы также иной. Группу Других наполняют:

- НЕ-люди (животные и призраки);

Д., 11 л.: *Это там, где много собак. Поэтому что они могут укусить.*

М., 9 л.: *Мне было очень страшно на Щелковском хуторе вечером, потому что там кто-то в кустах сидел и камушки бросал.*

- «свои Другие», опасность от которых в изложении детей зачастую фантастична (пьяницы, колдуны, клоуны и маньяки).

М., 9 л.: *Мое страшное место — это Цирк, потому что там клоуны (...). Улица, на которой я живу, там был маньяк, он убил три человека ломом.*

Д., 11 л.: *Тюрьма на проспекте Гагарина — в ней сидят убийцы, маньяки, которые хотят за все отомстить страшной мстью!!!*

Рациональный страх в интервью детей сопряжен не только с собственным опытом освоения города, но и с информированием об опасных местах родителями и СМИ.

Д., 9 л.: *Я считаю, что самое страшное место в Нижнем Новгороде — это микрорайон Цветы из-за того, что, во-первых, там недавно появились террористы, и чуть не произошел теракт, попытка терроризма была в этом году. Во-вторых, там достраивают здание, и, если что-то пойдет не так, все может обрушиться или упасть прямо на голову.*

Таким образом, в итоге интервьюирования детей более половины страшных или опасных мест современного города, которые называли взрослые, были также названы и детьми.

Страх и риск в городе: точка зрения детей и взрослых

Сравнение размеченности страшных мест городского пространства детьми и взрослыми показывает, что и у взрослых, и у детей идентична сфера НЕ-город (пребывание в одиночестве или вместе с Другими в темноте, в безлюдных и нежилых местах, в местах разрушения и смерти) (см. рисунок). Это сфера иррационального страха у всех горожан, однако взрослые время от времени рационально объясняют данный страх (например, возможностью позвать на помощь или осознанием того, как много безымянных смертей в городе).

Сфера «Я» в «Городе» отличается у взрослых горожан и детей: дети опасаются одиночества, поэтому бояться собственного дома, а взрослые опасаются «архетипических сооружений» (тоннели и переходы), где они находятся в одиночестве. Оба страха иррациональны и обусловлены внутренними проблемами и травмами.

А вот сфера «Другой» в «Городе» наиболее ярко демонстрирует складывающуюся

ВЗРОСЛЫЕ

ДЕТИ

Рис. Сравнительный анализ мест страха и риска у взрослых и детей.
Жирный шрифт – зоны риска, курсив – иррациональный страх

юся социальную компетентность юных горожан и определяет различия между взрослыми и детьми в городе. У взрослых данная сфера относительно плотно размечена (выделено достаточно много «опасных мест»), а опасность места рационально обоснована (это «зоны риска»). У детей карта опасностей относительно Других в Городе только складывается, а те пространства, где возможна встреча с опасностью, пока находятся вне зоны их непосредственного освоения города.

Идентификация «опасного места» в городе, по Гофману, активизирует те сценарии и роли, которые «закреплены» за данной сценой. Дети, как правило, без дополнительных расспросов не поясняют, как идентифицированная сцена связывается ими с дальнейшими действиями (как запускается определенный сценарий действия). Однако даже уточнение «я боюсь» означает внимательное отношение к опасным объектам и запуск, например, сценария «бегство» при дальнейшем опасном разворачивании действий на «страшной сцене».

Д., 9 л.: У меня за домом и сбоку — гаражи. И там обычно ходят пьяницы. Когда я иду на танцы — по пути в школу — там есть бар. Туда ходят только пьяницы. И когда я иду на танцы, я боюсь их.

Важно подчеркнуть, что взрослые в городе становятся для детей примерами для подражания. Со взрослыми не так страшно оказываться в этих особых ужасных местах, взрослые становятся образцами исполнения той или иной роли, соответствующей страшному месту, в том числе — как надо бояться (бежать или замереть, не двигаться).

Д., 9 л.: Страшное место — площадка у моего старого дома. Там много собак, но не милых. Их даже моя мама боялась — облают так, что не сдвинешься.

«Темные» гетеротопии «страшного города»: интерпретации и дискуссии

Попытка создать классификацию «страшных мест» при восприятии городского пространства подталкивает исследователей к поиску емких понятий, способных возглавить или интегрировать подобные классификации [9]. Одним из подобных понятий является «гетеротопия» М. Фуко [22; 23], в контексте «гетеротопия и город» получившее особую востребованность и популярность [26].

Гетеротопия определяется как своеобразное проявление пространства, точнее пространственности, пространственных отношений, «которые неразрывно внутренне взаимосвязаны, взаимообусловлены такими явлениями, как время, история, развитие, человек обыкновенный, повседневность, и тем, что Г. Гуссерль и вслед за ним Ю. Хабермас определяют в качестве жизненного мира» [24, с. 59]. Поэтому гетеротопия — не столько конкретное место, сколько «способ его видения, субъективного ощущения и выделения среди общего пространства, как человеком, так и отдельной, локальной, “малой” культурой» [24, с. 60]. Анализируя гетеротопии, исследователь обращается к базисным культурным основам в виде бинарных конструктов (реальность — иллюзорность, приватный — публичный, свой — чужой, обычный — необычный, плавный — прерывистый, открытый — замкнутый и т.п.) и обязательно преодолевает бинарность.

Места-гетероклиты, определяющие гетеротопии в городском пространстве, — это Иные, Другие места по отношению к устойчивым структурам мира, к повседневности, места, производящие разрыв в плавном, нерелефлексированном

течении будничности. В разных исследованиях в качестве мест-гетероклитов рассматривают театры и музеи [20], тюрьмы, школы, соборы, кафе, библиотеки, парки и т.д. [24], кладбища и заброшенные здания [9].

Т.В. Жигальцева ставит вопрос об универсальности гетеротопий для любого детского эмоционального пространства в провинции [9], однако исследования мобильности в городе столичных школьников также выходят на избегание школьниками мест-гетероклитов в повседневных передвижениях по городу [4]. Т.В. Жигальцева также определяет закрытость как главную характеристику гетеротопий с негативной эмоциональной нагруженностью, однако результаты данного исследования показывают, что закрытость типична не для всех гетеротопий, сопряженных с негативным эмоциональным восприятием, а ключевой характеристикой оказывается собственно оценка места, то есть факт «темной гетеротопии».

Выводы

Городские исследования в психологическом преломлении представляют особый интерес с точки зрения анализа социального опыта горожанина, осваивающего городское пространство как совокупность неких сцен, потенциально связанных с определенными сценариями и ролями, исполняемыми горожанами. В связи с этим теория фреймов И. Гофмана представляется как наиболее релевантная для изучения городских сцен, ролей и сценариев, включая драматические сценарии, сцепленные со страшными местами города. Психология развития, двигаясь в этом направлении, способна

объяснить, как формируется социальная компетентность детей и подростков, осваивающих городское пространство.

Представляемое исследование доказывает, что младшие школьники и младшие подростки в сравнении со взрослыми горожанами обладают базовой (начальной) социальной компетентностью при идентификации опасных и страшных мест города, однако их интерпретативная матрица для определения «страшных мест» построена иррационально и нерелексивно. Фактически это означает, что у младших школьников только складывается первичное представление о «городских сценах», на которых возможны сценарии «страшных событий», но ключевые характеристики данных «сцен» и ролевой репертуар для действий в «страшных ситуациях» пока не сформирован.

Наиболее существенные отличия между взрослыми горожанами и детьми в том, как определяется Другой, оценивающийся как опасный/страшный Другой. Для взрослых это «свои Другие» (девиантные согорожане) и Чужаки (мигранты, приезжие), для детей «НЕ-люди» (животные и призраки) и «свои Другие», зачастую обладающие признаками нереальности («пьяницы», колдуны, маньяки). Иррациональность восприятия и фантазморичность в понимании Другого принципиально отличает детский опыт от опыта взрослых горожан.

В будущем, анализируя, как изменяется детская компетентность относительно Других в городе, возможно будет связать становление социального опыта в городе или доминирование иррационального в интерпретациях с развитием мышления и общей социальной компетентностью детей и подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова Ю.Г.* Психология среды: истоки и направления // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 130–136.
2. *Воробьева И.В., Кружкова О.В.* Психология городской среды. Екатеринбург: Издательство Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. 244 с.
3. *Глазков К.П.* Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 5 (117). С. 136–151.
4. *Глазков К., Сивак Е.* Повседневная мобильность школьников: расширение пространства взросления // Материалы международного симпозиума «Л.С. Выготский и современное детство». Москва, 2016.
5. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
6. *Гофман И.* Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Прогресс, 2009. 300 с.
7. *Деткова Н.Ю.* Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18 (156). Философия. Социология. Культурология. Выпуск 12. С. 63–69.
8. *Дробышева Т.В., Журавлев А.Л.* Город как объект социально-психологического исследования // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 1. С. 196–214.
9. *Жигальцова Т.В.* Жертвенные гетеротопии провинциального города // Урбанистика. 2016. № 4. С.73–80.
10. *Заборова Е.Н., Исламова А.Ф.* Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 97–101.
11. *Котляр И.А., Соколова М.В.* Площадка приключений как пример реализации права ребенка на игру [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 2. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/2/Kotlyar_Sokolova.phtml (дата обращения: 27.02.2017)
12. *Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
13. *Микляева А.В., Румянцева П.В.* Городская среда как пространство семейного бытия (взгляд петербургских подростков) // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Выпуск 2. СПб.: Издательство АНО «ИПП», 2008. С. 70–74.
14. *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
15. *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 6-е изд. СПб.: Питер, 2015. 304 с.
16. *Пряжникова Е.Ю., Голубь О.В.* Роль восприятия городской среды в адаптации подростков [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/4/3222.phtml> [дата обращения 28.02.2017].
17. *Радина Н.К.* Социальная психология городского образа жизни: город страха // Социальная психология и общество. 2012. № 1. С. 126–141.
18. *Радина Н.К.* Прикладная герменевтика социального пространства: фрейм, идентичность, автобиография // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 4. С. 126–139.

19. *Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С.* Детские площадки как пространства интеграции Мигрантов // Материалы международного симпозиума «Л.С. Выготский и современное детство». Москва, 2016.
20. *Руденко Н.* Гетеротопия как переписание: музейные экспонаты, сети и практики // Социология власти. 20015. Т. 27. № 1. С. 181–195.
21. *Смирнова Е.О., Котляр И.А., Соколова М.В., Шеина Е.Г.* Детская игровая площадка в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 269–279.
22. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. 320 с.
23. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сad, 1994. 405 с.
24. *Шестакова Э.Г.* Гетеротопия – рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. 2014. № 1. С. 58–72.
25. *Штейнбах Х.Э., Еленский В.И.* Психология жизненного пространства (для психологов, архитекторов и дизайнеров). СПб.: Речь, 2004. 179 с.
26. *Heterotopia and the City: Public Space in a Post-civil Society.* / Ed. Michiel Dehaene, Lieven De Caeter. London, 2008. 345 p.

The city as a factory of fear and risk: children's judgments about the urban space

N.K. RADINA*,
HSE, Nizhny Novgorod, Russia, rasv@yandex.ru

The presented study is a continuation of the study of the perception of urban spaces in children who are labeled as scary or dangerous. Research based on the theory of frames Goffman. Used the concept of heterotopia Foucault. The study compares the results of the identification of the terrible places in the city by children and adults. The study identifies the key trends of children's perception of dangerous and scary urban spaces. The key method of qualitative research is unstructured interviews (85 interviews about the scary parts of the city from the citizens from 7 to 11 years, namely from 41 boys and 44 girls, mostly younger students). The presented study shows that younger students and young adolescents compared to adult citizens have the basic social competence in the identification of dangerous and scary places in the city. Interpretive matrix of children for determining the "worst places" formed irrational and non-reflexive. The most significant differences between adults and children of city in the way they describe the Stranger in the city (which is assessed as dangerous Stranger).

Keywords: city, fear, risk, heterotopia, junior high school students.

REFERENCES

1. Abramova Ju. G. Psihologija sredy: istoki i napravlenija [Psychology of environment: Sources and directions]. *Voprosy psihologii [Questions of psychology]*, 1995, no. 2, pp. 130–136.
2. Vorob'eva I.V., Kruzhkova O.V. Psihologija gorodskoj sredy [The psychology of the urban environment]. Ekaterinburg: Publ. RGPPU, 2012. 244 p.
3. Glazkov K.P. Jekskursija po gorodu: mental'nye karty kak instrument izuchenija obraza goroda [City tour: mental maps as a tool for studying the image of the city]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija [Monitoring of public opinion]*. 2013, no. 5 (117), pp. 136–151.
4. Glazkov K., Sivak E. Povsednevnaia mobil'nost' shkol'nikov: rasshirenie prostranstva vzroslenija [Everyday mobility schoolchild: extension of growing]. *Materialy*

For citation:

Radina N.K. The city as a factory of fear and risk: children's judgments about the urban space. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 131–145. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080209

* Radina Nadezhda K. — Doctor in Political Science, PhD in Psychology, professor at the Department of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia, rasv@yandex.ru

- mezhdunarodno simpoziuma “L.S. Vygotskij i sovremennoe detstvo” [Materials of the International Symposium “*Vygotsky and modern childhood*”]. Moscow, 2016.
5. Gofman I. Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2003. 752 p.
 6. Gofman I. Ritual vzaimodejstvija: Oчерki povedenija licom k licu [Interaction Ritual – Essays on Face-to-Face Behavior]. Moscow: Progress, 2009. 300 p.
 7. Detkova N. Ju. Malyj provincial’nyj gorod kak tekst kul’tury [The small provincial town as text culture]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*, 2009, no. 18 (156). Filosofija. Sociologija. Kul’turologija. Vypusk 12. p. 63–69.
 8. Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L. Drobysheva T.V., Zhuravlev A.L. Gorod kak ob’ekt social’no-psihologicheskogo issledovanija [The city as an object of socio-psychological research]. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. *Social’naja i jekonomicheskaja psihologija [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*, 2016, Vol. 1, no. 1. pp. 196–214.
 9. Zhigal’cova T. V Zhertvennye geterotopii provincial’nogo goroda [Sacrificial heterotopia provincial town]. *Urbanistika [Urban]*, 2016, no. 4. pp. 73–80.
 10. Zaborova E. N., Islamova A. F. Gorod kak social’noe prostranstvo [The city as a social space]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies]*, 2013, no. 2. pp. 97–101.
 11. Kotljар I.A., Sokolova M.V. Ploshhadka prikljuchenij kak primer realizacii prava rebenka na igru [Elektronnyj resurs] [The Playground adventure as an example of the child’s right to play]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014, Vol. 6, no. 2. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/2/Kotlyar_Sokolova.phtml (Accessed: 27.02.2017).
 12. Linch K. Obraz goroda [The image of the city]. Moscow: Strojizdat, 1982. 328 p.
 13. Mikljaeva A.V., Rumjanceva P.V. Gorodskaja sreda kak prostranstvo semejnogo bytija (vzglyad peterburgskih podrostkov) [Urban environment as a space of family life (opinions teenagers from Petersburg)]. *Sovremennye problemy psihologii sem’i: fenomeny, metody, koncepcii [Modern problems of family psychology: phenomena, methods, concepts.]*. Vyp. 2. St. Petersburg: Publ. ANO “IPP”, 2008. pp. 70–74.
 14. Milgram S. Jeksperiment v social’noj psihologii [Experiment in Social Psychology]. St. Petersburg: Piter, 2000. 336 p.
 15. Osorina M.V. Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslyh [The secret world of children in the space of the adult world]. 6-e izd. St. Petersburg: Piter, 2015. 304 p.
 16. Prjazhnikova E. Ju., Golub’ O.V. Rol’ vosprijatija gorodskoj sredy v adaptacii podrostkov [Elektronnyj resurs] [The role of perception of the urban environment in the adaptation of teenagers]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru. [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2012, no. 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2012/4/3222.phtml> [Accessed 28.02.2017].
 17. Radina N.K. Social’naja psihologija gorodskogo obraza zhizni: gorod straha [Social psychology of urban life: a city of fear]. *Social’naja psihologija i obshhestvo [Social Psychology and Society]*. 2012, no. 1. pp. 126–141.
 18. Radina N.K. Prikladnaja germenevtika social’nogo prostranstva: frejm, identichnost’, avtobiografija [Applied Hermeneutics social space: a frame, identity, autobiography].

Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovanijah [New in psychological and educational research], 2014, no. 4, pp. 126–139.

19. Rocheva A.L. Varshaver E.A., Ivanova N.S. Detskie ploshhadki kak prostranstva integracii Migrantov [Playground space like the integration of migrants]. *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma “L.S. Vygotskij i sovremennoe detstvo” [Materials of the International Symposium “Vygotsky and modern childhood”]*. Moscow, 2016.

20. Rudenko N. Geterotopija kak pereopisanie: muzejnye jeksponaty, seti i praktiki [Heterotopias as a redescribed: museum exhibits, networking and practice]. *Sociologija vlasti [Sociology of power]*, 20015, Vol. 27, no. 1. pp. 181–195.

21. Smirnova E.O., Kotljjar I.A., Sokolova M.V., Sheina E.G. Detskaja igrovaja ploshhadka v kontekste kul’turno-istoricheskoj psihologii [Children’s playground in the context of cultural-historical psychology]. *Kul’turno-istoricheskaja psihologija [Cultural-Historical Psychology]*, 2016, Vol. 12, no. 3, pp. 269–279.

22. Fuko M. Intellektualy i vlast’: izbrannye politicheskie stat’i, vystuplenija i interv’ju [Intellectuals and power: elected political articles, speeches and interviews]. Part 3. Moscow: Praksis, 2006. 320 p.

23. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [Words and things. Archeology of the humanities]. St. Petersburg: A-cad, 1994. 405 p.

24. Shestakova Je.G. Geterotopija – rabochee ponjatie sovremennoj gumanitaristiki: literaturovedcheskij aspekt [Heterotopia – a working concept of the modern humanities: literary aspect]. *Kritika i semiotika [Criticism and Semiotics]*. 2014, no. 1, pp. 58–72.

25. Shtejnbah H.Je., Elenskij V.I. Psihologija zhiznennogo prostranstva (dlja psihologov, arhitektorov i dizajnerov) [Psychology of living space (for psychologists, architects and designers)]. St. Petersburg: Rech’, 2004. 179 p.

26. Heterotopia and the City: Public Space in a Post-civil Society. In Michiel Dehaene, Lieven De Caeter (ed.). London, 2008. 345 p.